

Олег Владимирович ВОРОПАЕВ

родился в 1963 году в г. Заполярном Мурманской обл.

Окончил сельскохозяйственный факультет

Петрозаводского госуниверситета.

Работал зоотехником в хозяйствах Мурманской области и Карелии, преподавал биологию в школе.

С 1994 года офицер милиции.

Ветеран боевых действий в Чеченской республике.

В настоящее время проживает на Ставрополье.

Публиковался в центральных и региональных периодических изданиях.

Автор нескольких книг стихов и прозы.

Член Союза писателей России.

Олег ВОРОПАЕВ

Ставропольский край,

г. Новопавловск

**«НА ТИХОЙ ВОДЕ
ОДИНОКАЯ ЛОДКА...»**

* * *

Многоцветная осень осыпала с веток плоды.
Вечерами сверчки монотонно прощаются с летом.
Хорошо в эти дни неподвижно сидеть у воды,
Созерцая покой под рассеянным солнечным светом.

Хорошо в эти дни слушать листьев бессонную дрожь,
Неподвижность души сохраняя в движении воздушном,
Забывая о том, кто ты есть и зачем ты живёшь
В этом мире безмерном и вечно к тебе равнодушном.

Переливным прощанием птиц откликается лес.
И посмертных записок не счесть под железной листвою.
Но затеплится месяц в суровой ладони небес,
И на этой земле это тоже чего-нибудь стоит.

* * *

На тихой воде одинокая лодка.
В разрывах тумана тускнеет заря.
И северный лес погружается кротко
в морозную ночь сентября.

И клёкот совы, пролетающий через
уснувшие сосны, протяжно глубок.
Замшелые скалы. Неоновый вереск.
Немого костра уголёк.

* * *

Одиночество – только повод для самых простых снов,
где любовь, всего лишь любовь, как первая сигарета...
О, Всевышний, дай лодку ей и весло –
переплыть эту боль, в потоках дождя и света.

«Возвращаться некуда», – помадой подправит рот
и, вздохнув, останется жить за прозрачной дверью...
Неуклюжий ветер в лунных ветвях замрёт,
как, под выстрел, в зрачке ствола замирают звери.

Несколько есть шагов, к ненависти и назад, –
чёрным по голубому шёлку, с дрожью о прошлом...
Перечитать книги, за окнами посадить сад,
брошенную пустить в дом кошку.

* * *

Из всех откровений — агония воли.
Из всех ожиданий лишь голос и взгляд.
И вырваться проще в жестокие роли,
но брошенный город... он прошлому рад.

Иначе зачем эти арки и своды,
на вымерших улицах — колотый наст?
Ты прячешься в письмах, в прогнозах погоды,
но город... он помнит о нас.

Он помнит. Прости. В алкоголе и слове
тонуть не хотелось бы, надо бы вплавать.
А голос? ах, да!.. удивительно ровен.
А город... он всё-таки прав.

* * *

Мне горестно, что ты со мной,
что птиц, похожие на стоны,
удары крыльями бездонны
под каменеющей луной,

что ветер сумеречно глух
к театру перевоплощений...
Не всё равно ли из прощений —
какое вслух...

* * *

Мне одиноко и грустно.
Я не умею летать.
Над замерзающим руслом
сеется звёзд благодать.

И невесомая птица
не умолкает в ночи.
Я не умею молиться.
Я бы её приручил.

Так бы и старились вместе,
грели плечо о плечо.
Я бы не пел её песен.
Просто не знаю о чём...

КОРСАР

...И парусник куда-то уплывал.
А на причале
закатный ветер волосы трепал
твои... И чаек
был полон горизонт
и склон у каменного пирса.
И я любил... а может, просто сон
мне снился.
Корсаром ли я был?.. военным моряком?..
Не помню, право.
Но губы твои пахли молоком
в солёных травах.

* * *

За эхом, где всё пропадёт,
и свет отразится в канале
уютного города тьмы,
над бездной раскрошится лёд,
и птицы, как в кадре финальном,
укроются тенью волны.

Поставив кувшин с молоком
на столик, качнувшийся рядом,
ты спросишь: «Не в этот ли год?..
Цыганка... и это окно?..
Я тихо отвечу: «Не надо.
Пожалуй, никто не умрёт».

* * *

Вот она — мрачность полей.
Осень. Прощание. Ветер.
Хлещут по влажной коре
ивы звенящие плети.

Листья уже не парят
в порохе птичьего крика...
Глухонемая заря
плещется тихо.